

Все вокруг потеряли дар речи. С чего это он вдруг удигает, словно от чумы?!

А Цзян Хунмэй, находившаяся на взводе, разозлилась на такое бегство еще сильнее. Стоило вспомнить, что весь этот кошмар с Гу Юй и Чжао Цзяньго случился по вине Шэнь Цзянаня, как у нее закралось подозрение: неужели он просто испугался и совестится?!

От этих мыслей гнев Цзян Хунмэй разгорелся с новой силой. Она с яростью швырнула палку, державшуюся в руке:

— Шэнь Цзянань! Ах ты бессонная тварь, рано или поздно тебя постигнет кара, сдохнешь же лютой смертью!

Увы, объект ее проклятий уже убежал далеко и не слышал яростных воплей. Зато свидетели этой сцены помрачнели от таких пожеланий, сочтя женщину психопаткой.

В тот же миг в памяти окружающих всплыли недавние события. Сами того не желая, они вспомнили, как Ван Хунбо, вернувшись с работы в поле, еще не успел толком перевести дух, а она уже вцепилась в него с расспросами:

— Ван-гэ, ты передал мои слова? Что сказали Цзяньго и Гу Юй?

На душе у Вана скребли кошки. Он живо припомнил, как незадолго до этого в поле Цинь Фэнъин устроила ему знатный разнос из-за всей этой истории, едва не заставив потерять лицо. Вдобавок из уст самого Гу Юя он только что узнал, что та вовсе не какая-то там знатная барышня, а дочь слуги из семьи Гу, которая лишь притворялась аристократкой и пускала пыль в глаза жителям коммуны «Хунци».

Из-за этого тон и отношение к Цзян Хунмэй у него вмиг испортились:

— Что они могли сказать? Да они и видеть тебя не желают, не то что связываться.

Ван Хунбо лениво приподнял веки и с презрением оглядел ошеломленную Цзян Хунмэй с ног до головы, процедив сквозь зубы:

— Твоего имени Чжао Цзяньго даже слушать не стал — ноль эмоций. От начала и до конца молчал в тряпочку, только носом землю пахал. А его матушка Цинь Фэнъин рассвирепела не на шутку: решила, что ее сына обидели, и когда увидела, что это я передаю тебе весточку, прямо взбесилась. Велела мне вернуть долг бригаде за зерно раньше срока...

Чем больше Ван Хунбо думал об этом, тем сильнее распалялся. Забыв о бывшей дружбе, он, наплевав на растерянность остальных, принялся с завидным усердием натравливать на Цзян Хунмэй всеобщую ненависть:

— По моему разумению, из-за нее и все мы пострадаем! Бригада потребует досрочно вернуть выданное зерно в долг, и во всем этом виновата только ты!

Ван Хунбо окинул взглядом стоявших вокруг знающих молодежь — таких же должников, как он сам. Как он и ожидал, лица у всех были кислыми, отчего на душе у него немного отлегло. Он уже собрался потребовать, чтобы она немедленно извинилась перед ним.

Но не тут-то было. Вместо того чтобы принести хоть какие-то извинения, Цзян Хунмэй внезапно сорвалась с катушек, принялась обвинять его в плохой работе и завопила, что сама пойдет разбираться с Чжао Цзяньго и Гу Юй.

Люди вокруг перепугались не на шутку. Боясь, что она раздует скандал и навлечет «выбивание долгов» на тех, у кого дома с финансами и так туго, они поспешили смягчить тон и принялись уговаривать ее по-хорошему.

Куда там! Цзян Хунмэй не только не пожелала слушать, но, схватив палку, принялась направо и налево лупить всех подряд, да так остервенело, что девушки-знающие даже не смели подойти близко.

Что до парней, те хотя бы не боялись получить пару ударов, но стоило кому-то приблизиться, как она начинала голосить о домогательствах. Кто посмел бы после такого тронуть ее хоть пальцем? Приходилось лишь семенить рядом и терпеливо взывать к голосу разума — именно эту картину и застал незадолго до этого Шэнь Цзянань.

Однако теперь, сколько бы ее ни усовещивали, она оставалась глуха ко всему и вдобавок затаила злобу на Шэнь Цзянаня. Поняв, что тратить время и языки дальше бессмысленно и не имеет никакого смысла, народ махнул рукой и перестал ее удерживать.

— Вижу, сил у тебя хоть отбавляй, так что мы пошли, а ты давай сама по себе!

Лу Сяюэ презрительно зыркнула на нее, ухватила за руку уже потерявшую всякое терпение Ли Цзяоцзяо и быстрыми шагами зашагала прочь, даже не оборачиваясь. Цзян Бинь, Ван Вэньвэнь, Сун Ичэнь и еще несколько человек, видя, что даже Лу Сяюэ, с которой та была ближе всех, бросила ее, и вовсе не собирались задерживаться.

Заметив, что те и правда уходят, Цзян Хунмэй снова раскисла. Испустив дикий вопль, она плюхнулась прямо на землю и залилась горькими слезами:

— Какие же вы все бессердечные! За что вы со мной так, ууу! Издеваетесь...

Увидев, что она снова устраивает истерику, Ван Хунбо схватился за голову — этот человек действовал на него как сумасшедший. Чувствуя смертельную усталость, он махнул рукой на все: к черту это «возвращение долгов»! В конце концов, нет зерна — так и взять нечего, а жизнь одна. Максимум — позору не оберешься, но не станет же бригада убивать их всех за долги!

Поразмыслив так, он словно заново родился, после чего бросил Цзян Хунмэй:

— Знающая Цзян, ты вообще собираешься возвращаться?

В ответ раздался лишь новый, еще более пронзительный всхлип. Закатив глаза от бессилия, он с каменным лицом бросил:

— Ну и реви сколько влезет, я с тобой нянчиться не нанимался!

С этими словами он тоже быстрым шагом удалился, оставив сердобольную Хуан Цимэй стоять в полном замешательстве перед заливающейся слезами Цзян Хунмэй.

К счастью, при всей своей сумасбродности та все же берегла здоровье. Солнце уже зашло, но земля за день раскалилась на солнцепеке, и стоило ей усестись туда на пару мгновений, как задница запеклась, будто лепешка на раскаленной сковороде. Не выдержав жара, она умолкла и с жалким видом обратилась за помощью к стоявшей рядом:

— Цимэй, ты не могла бы мне помочь встать?

— Эх! — Хуан Цимэй тихо вздохнула, подошла, подняла валявшуюся палку, сунула ей в руку и аккуратно помогла подняться.

— Хунмэй, послушай меня, не ходи ты к Чжао Цзяньго. Настрой товарища секретаря и заведующей Цинь уже ясен, если продолжишь настаивать на своем — только себя в неловкое положение поставишь. А что до Гу Юя...

Она опустила взгляд, скрывая сложные, сдерживаемые эмоции, и тихо промолвила:

— Раз он сказал все до конца, значит, ты ему точно неинтересна. К тому же, его семья в опале, если ты и впрямь выйдешь за него замуж, житья потом не будет, зачем тебе эти страдания? На твоём месте я бы...

Она резко сменила тон:

— Ты же такая красавица, с закрытыми глазами сможешь найти мужчину в тысячу, в десять тысяч раз лучше него. Зачем цепляться за это кривое дерево? Сама подумай?

Лицо Цзян Хунмэй слегка окаменело. Рука, державшаяся за подругу, сама собой вцепилась ей в запястье, с каждым мгновением усиливая хватку.

— Ай... — Хуан Цимэй невольно поморщилась от боли и недовольно покосилась на нее: — Хунмэй, ты чего? Чего такая сильная хватка?

Опомнившись, Цзян Хунмэй поспешно извинилась:

— П-прости!

Ее прекрасные глаза наполнились испугом и раскаянием:

— Я, я не со зла.

Видя ее жалкий вид, Хуан Цимэй не стала слишком сильно ее корить и с улыбкой покачала головой:

— Ничего, я не сержусь.

Растроганная до глубины души, Цзян Хунмэй тут же расплылась в улыбке и сладко проворковала:

— Цимэй, какая же ты добрая.

Вот только в этой широкой улыбке таилось что-то неуловимое и странное, отчего у Хуан Цимэй мурашки побежали по коже:

— Хунмэй, чего ты сегодня сама не своя?

— Да ничего.

Цзян Хунмэй глядела на нее с еще более благожелательной улыбкой:

— Просто вспомнила то, что было только что, и вдруг поняла, что в поселке знающей молодежи лучше всех ко мне относишься именно ты. Поэтому я решила отныне считать тебя своей лучшей подругой.

— Ох! П-правда?

Хуан Цимэй дернула уголком рта и смущенно отвела глаза:

— Пойдем назад! У тебя ведь нога еще не до конца зажила, брось ты этих Гу Юя и Чжао Цзяньго, ладно?

На лице Цзян Хунмэй промелькнуло странное выражение, и она невольно прижалась к подруге всем телом:

— Ладно, нога и правда еще побаливает.

Та от неожиданности качнулась под ее весом, едва не упав, но всё же удержала ее на ногах.

— Раз нога все еще сильно болит, нечего тогдашний раз ее тревожить.

Хуан Цимэй разжала руки, поддерживавшие подругу, сделала пару шагов вперед, присела на

корточки и, похлопав себя по плечу, обернулась:

— Запрыгивай, я тебя понесу!

Не церемонясь, Цзян Хунмэй с улыбкой бросилась ей на спину:

— Спасибо тебе, Цимэй!

— Не заводи! Ты же сама сказала, мы подруги!

Хуан Цимэй через плечо улыбнулась, подняла девушку и двинулась вперед. Вот только в ее миндалевидных глазах уже застывал холод...

-----

Усадьба на полугоре.

Вбежав одним духом домой, Шэнь Цзянань принялся мыть овощи и готовить ужин. Когда с делами было покончено, небо уже заметно потемнело. Он отложил половину готовой еды в армейский котелок и оставил ее греться на железной печи.

Остальное он выставил на стол и принялся молча ужинать в одиночестве. То ли дело было в отсутствии Гу Юя, но в последние дни еда казалась ему пресной, безвкусной и совсем не аппетитной.

— Эх!

Парень поджал губы, кое-как перекусил пару раз, вымыл и убрал на место посуду, после чего вернулся в комнату, зажег масляную лампу и уселся за стол, что-то старательно записывая и чертя.

Он говорил Гу Юю, что нужно готовиться заранее, и это были не пустые слова: пока тот целыми днями бегал по делам, сам Шэнь тоже не сидел сложа руки.

Мышление Шэнь Цзянаня было прямым и простым: во все времена при наличии власти и денег многие проблемы решаются сами собой.

Власти у них с Гу Юем пока не было, но это не значит, что так будет всегда. Самый прямой путь к этому для простого человека — учеба.

Согласно историческим записям, в семьдесят седьмом году восстановят гаокао — экзамены в вузы, и тогда настанет их лучший час для реванша. А пока что, если они с Гу Юем подойдут к

учебе серьезно и опираться свою прочную базу, поступить в хороший университет не составит никакого труда. \*(Зимой 1977 года в Китае 5,7 миллиона абитуриентов пришли в аудитории вступительных экзаменов, которые были закрыты более десяти лет. В том числе по всей стране высшими учебными заведениями было зачислено 273 000 новобранцев).\*

Однако статус Гу Юя был несколько специфическим, и до этого момента им предстояло найти подходящий повод, чтобы изменить его положение и добиться окончательного исхода.

Иначе, даже если дождаться окончания десятилетки кхм... культурной революции, пока его семью полностью не реабилитировали, поступление в университет всё равно не уберёжет его от последствий.

Что до денег, то самый быстрый способ сколотить состояние — занятие торговлей. Беда в том, что государство ещё не развивало частную экономику, так что вести дела самовольно запрещалось.

Но на каждую хитрую политику найдётся свой способ обхода: раз нельзя открыто, значит, нужно просто сменить подход.

Шэнь Цзянань поднялся, подошел к кровати, достал из шкафа полупустой пакет с молочными ирисками, безжалостно зачеркнул по горсти в карман и вышел из дома, направляясь к дому Чжао Цзяньчэна.

Кто бы мог подумать, что дверь откроет Чжао Цзямин, за спиной которого маячил Чжао Цзяньго. Стоило тому заметить гостя, как его лицо мгновенно вытянулось, и он грубо рявкнул:

— Ты приперся зачем?

Мысленно выругавшись на идиота, Шэнь Цзянань натянул на лицо самую любезную улыбку и сладким голосом произнес:

— Я к секретарю за рекомендательным письмом.

С этими словами он выудил из кармана две ириски и с молниеносной быстротой сунул их в руку Чжао Цзямину. У того вмиг загорелись глаза, и он заорал во все горло:

— Папа! Знающий Шэнь к тебе!

Скорость была такой, что Чжао Цзяньго просто не успел бы вставить палки в колеса — ему оставалось лишь скрежетать зубами, злобно глядя на гостя и отступая в сторону, освобождая проход вышедшему на голос Чжао Цзяньчэну.

Шэнь Цзянань прищурился, одарив его лукавой улыбкой, почтительно кивнул появившемуся Чжао Цзяньчэну и широко улыбнулся:

— Секретарь, вы же знаете, из дома мне каждый месяц присылают письма и посылки, всегда в начале месяца.

Напомненный об этом, Чжао Цзяньчэн припомнил, что в самом деле в первых числах почтальон всегда извещал парня о прибытии посылки — да еще какой громоздкой! Каждый раз собиралась целая толпа зевак.

В конце концов, за столько лет в их бригаде ни у одного приезжего молодежного отряда семьи не слали детям баулы с вещами каждый месяц. Причем вещи эти были из разряда дефицитных деликатесов, которые здесь днем с огнем не сыщешь. Однако в этот раз он точно не видел, чтобы почтальон звал Шэнь Цзянаня за посылкой.

Он ведь не знал, что в прошлом письме семья Шэнь известила сына о переносе сроков отправки.

— Секретарь...

Шэнь Цзянань внезапно скривил губы, и его глаза постепенно покраснели:

— Сейчас уже середина месяца, а извещения все нет и нет. Я вот подумал... подумал воспользоваться тем, что работы сейчас поменьше, и попросить отгул — вдруг почтальон замотался и просто пропустил меня?

Голос парня становился все тише, голова поникла, а хрупкие плечи то и дело вздрагивали. Выглядел он до того жалостливо, что при этом не забыл вытащить из кармана еще горсточку ирисок и дрожащей рукой протянуть Чжао Цзяньчэну.

— Секретарь, я знаю, вы всегда больше всех заботитесь о нас, приезжих ребятах со всех концов страны.

Шэнь Цзянань поднял полный надежды взгляд на Чжао Цзяньчэна, и это выражение искренней мольбы растопило сердце председателя. К тому же парень говорил такие сладкие речи да еще и принес угощение — короче говоря, Чжао Цзяньчэн без лишних слов охотно согласился.

— И стоило из-за пустяка расстраиваться? Всего-то справку выписать! Жди здесь, я мигом сбегу, выпишу в бригаде.

Он с улыбкой повернулся и хлопнул младшего сына по макушке:

— А ну марш за фонарем для бати!

Чжао Цзяньго никак не ожидал, что отец окажется таким сговорчивым. Его кулаки сжались до белых костяков, так и подмывая разmozжить Шэнь Цзянаню башку.

— Ага!

Жадно зыркнув на ириски в руке Шэнь Цзянаня, Чжао Цзямин со всех ног бросился в дом и уже через минуту вылетел обратно, зажав в кулаке старый серебристый металлический фонарик, который тут же вручил отцу.

Шэнь Цзянань сметливо протянул конфеты ближе к нему:

— Братишка Цзямин, бери, это специально для тебя припас.

Стоило ему это произнести, как лицо Чжао Цзяньчэна стало еще приветливее — мальчишка оказался на редкость смышленным. И его сложно было винить: в те времена молочные ириски считались роскошью высшей пробы, их иной раз не купишь ни за какие деньги и талоны.

К тому же лакомство стоило дорого — не то что Чжао Цзяньчэн, даже его старший брат Чжао Маньцян в обычные дни не рисковал тратить на такое. А у Шэнь Цзянаня в руке их было добрых два с лишним десятка!

Правда, в силу своего положения председателю было неудобно протягивать руку первым, но теперь парень сам дал ему прекрасный повод забрать гостинец.

Вмиг Шэнь Цзянань стал для Чжао Цзяньчэна еще более мил глазу, и тот не удержался от дружеского совета:

— Когда собираешься ехать? Дорога от нашей бригады до поселка неблизкая, лучше бы раздобыть велосипед...

— Точно! — не дав ему договорить, Шэнь Цзянань с сияющей улыбкой перебил его: — Поэтому я и хотел попросить у вас велосипед, можно?

Чжао Цзяньчэн опешил и уже собирался отказать, как вдруг живший по соседству Чжао Хунцзюнь вышел на крыльцо вылить воду после умывания. Услышав слова парня, он любопытствовал и бросил на ходу:

— Знающий Шэнь, а зачем это тебе у секретаря велосипед понадобился?

Мысленно усмехнувшись, Шэнь Цзянань подумал: шутки шутки, а его конфеты даром не раздаются. Тем более столько белых зайцев-ирисок, и все за какую-то справку? Снисходительность Чжао Цзяньчэна — чистой воды мечта!

Он поспешил ответить:

— Добрый вечер, учетчик. Я хочу завтра сгонять в поселок, проверить, не пришло ли письмо из дома.

Его взгляд качнулся в сторону готового возразить Чжао Цзяньчэна, изображая крайнюю признательность:

— Товарищ секретарь такой добрый, испугался, что я устану пешком, и сказал, что лучше бы раздобыть велосипед, так что...

Он не договорил, но Чжао Хунцзюнь решил, что они уже обо всем договорились, и охотно поддержал:

— О! Дорога до поселка долгая. Раз секретарь согласен одолжить транспорт, бери и кати, только не сломай!

— Ага, я знаю!

Шэнь Цзянань с серьезным видом кивнул, мысленно поставив мужчине жирный лайк, после чего перевел взгляд на помрачневшего Чжао Цзяньчэна и с сияющими глазами произнес:

— Спасибо, секретарь.

Грудь Чжао Цзяньчэна заполнило удушливое раздражение. Он проклял свой длинный язык и тысячу раз пожалел, что вообще согласился отпустить его и выписать справку.

Но Чжао Хунцзюнь все еще стоял рядом. Тот был хорош всем, кроме излишней страсти к чужим делам и кристальной честности, к тому же держался заодно с бригадиром Чжао Ганом.

Откажи он сейчас или заяви, что ничего подобного не обещал, завтра эти двое растреплют о нем бог весть что. Где тогда искать остатки бывшего авторитета?

Впрочем, потеря лица — полбеды, куда хуже было дать повод недоброжелателям. Взвесив все за и против, ему пришлось напустить на себя благодушный вид:

— Цзяньго, ступай, выкати знающему Шэнь велосипед, а я пойду в контору, выпишу справку.

Услышав это, Чжао Цзяньго едва не выругался в голос. Шэнь Цзянань ведь был подельником Гу Юя, а несколько дней назад он из-за него еще и вляпался по полной, разругавшись с Цзян Хунмэй и став посмешищем для всей деревни. Не будь он на таком строгом прицеле, давно бы уже скрутил этого наглеца.

Но раз отец уже пообещал при посторонних, сделать было ничего нельзя. С перекошенным от злости лицом он скрежетал зубами, с грохотом захлопнув дверь перед самым носом.

Понимая, что сын кипит от гнева, да и у самого на душе скребли кошки, Чжао Цзяньчэн предпочел сделать вид, будто не замечает кислых мин, велел гостю ждать у крыльца, а сам с фонарем в руке зашагал к конторе.

Что до Чжао Цзяминя, тот с зажатыми в кулаке конфетами и вовсе не собирался торчать на улице — поблагодарив Шэнь Цзянаня, он вихрем влетел в дом.

Убедившись, что все разошлись, Чжао Хунцзюнь с легкой улыбкой кивнул стоявшему на крыльце Шэнь Цзянаню и негромко бросил:

— В следующий раз за велосипедом иди прямо к бригадиру, он посговорчивее.

Шэнь Цзянань на мгновение замер, после чего с усмешкой кивнул:

— Хорошо, спасибо, учетчик.

Ничего не отвечая, Чжао Хунцзюнь лишь многозначительно скосил глаза за его спину и, подхватив таз, молча скрылся в дверях.

Шэнь Цзянань понял всё с полуслова. Обернувшись, он увидел выползающего с кислым, как у кота, лицом Чжао Цзяньго, который выкатывал велосипед.

— Ой-ой! Благодарствую, товарищ Чжао! — рассыпался в любезностях Шэнь Цзянань.

Заметив, что улыбка того едва ли не трещит по швам, Чжао Цзяньго распалился еще сильнее. Свирепо зыркнув на парня, он тут же шмыгнул внутрь и со смачным стуком захлопнул входную дверь.

Шэнь Цзянань скривил губы, показав фигу воротникам дома Чжао, после чего покатил велосипед к обочине дороги дожидаться Чжао Цзяньчэна.

Вскоре тот вернулся со светом фонаря. Сунув справку в руки Шэнь Цзянаню, он бесстрастно бросил:

— Возвращайся спозаранку.

И, заложив руки за спину, гордо удалился в дом, больше не глядя в его сторону. Пожав плечами, Шэнь Цзянань в спину бросил дежурное «спасибо» и, весело крутя педали, покатил обратно к усадьбе на полугоре.

<http://bllate.org/book/22418/2353678>